

Марина ДУДАЕВА

БЕЛЬГИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ: УГРОЗЫ ЦЕЛОСТНОСТИ*

В эпоху глобализации демократические, экономически благополучные страны все чаще сталкиваются с проблемой сохранения территориальной целостности. Стремление к обретению независимости, обособлению, самоидентификации является защитной реакцией на стремительные интеграционные процессы, которые приводят к активизации миграционных потоков, размыванию национальной идентичности. Одним из эффективных способов противостояния подобным деструктивным процессам в полигэтнических и поликонфессиональных государствах является формирование федеративной формы государственного устройства. Однако сама природа федерализма зачастую содержит в себе ряд угроз, приводящих к разрушению территориальной целостности. В данной статье проводится анализ становления и развития процесса федерализации на примере Бельгии с целью выявления угроз и рисков развития федерализма. Приводятся основные центробежные и центростремительные силы, стимулирующие развитие противоречий в бельгийском обществе. Автор приходит к выводу, что в настоящее время ключевым фактором возникновения кризиса бельгийского федерализма является наличие значительных экономических диспропорций между регионами. Предлагается внедрить особые экономические зоны для привлечения инвестиционных потоков в регионы с учетом их особенностей, а также реформировать существующую модель федерализма, основанную на конкуренции регионов, в федерализм, нацеленный на стимулирование регионов, лингвистических общин и институтов федеральных и местных органов власти к сотрудничеству.

Ключевые слова: Бельгия, сепаратизм, федерализм, экономические диспропорции, этнолингвистический конфликт

JEL: R58

Федерализм является комплексной и динамичной моделью организации государственной власти, которая позволяет учитывать территориальную специфику государства, создает инструменты, отвечающие интересам этнических, религиозных, лингвистических общин, создает институциональную основу социально-экономического развития субъектов федерации. Будучи многоконфессиональным и многонациональным госу-

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32143.

дарством, Россия на протяжении многих веков сталкивается с многочисленными проблемами, так или иначе касающимися ее территориальной целостности. Для более глубокого осмысления природы федерализма и анализа основных угроз, заложенных в его природу, полезным будет изучение и анализ опыта зарубежных федеративных государств.

Бельгия является одним из ярких примеров государственного образования федеративного типа, объединяющего на паритетных началах «национальные сообщества» и «регионы». Особенность бельгийского федерализма состоит в том, что субъектами федерации наряду с регионами (Фландрия, Валлония, столичный регион – Брюссель) являются лингвистические сообщества (нидерландоязычное, франкоязычное и германоязычное). При такой федеративной модели сообщества являются носителями национально-культурной автономии, тогда как регионы – воплощением идеи территориальной автономии.

Формирование подобной федеративной модели привело к возникновению сегментированных линий раскола политической конъюнктуры – религиозной, социально-экономической и лингвистической, что, в свою очередь, способствовало созданию децентрализованной модели государства, основанной на принципе этнического и лингвистического плюрализма [1, с. 180].

Латентные факторы бельгийского раскола: ретроспектива

Причины подобного раскола уходят корнями в историю образования Бельгийского государства. На момент возникновения в 1831 г. Бельгия представляла собой унитарное государство с некоторыми элементами децентрализации, объединяющее на своей территории фламандское и франковоряющее сообщества [2, с. 118]. Вскоре подобная государственная модель стала дестабилизирующим фактором в развитии бельгийской государственности. Господство французского языка в сфере управления стало носить дискриминационный характер, что впоследствии привело к требованиям фламандцев предоставить им большую лингвистическую и культурную автономию.

Большинство ученых сходятся во мнении, что основные причины кризиса федерализма в Бельгии коренятся в культурных, религиозных, этнических, языковых, а также законодательных различиях регионов. Однако при проведении ретроспективного анализа очевидно, что ключевым фактором являются экономические диспропорции регионов.

Так, по справедливому замечанию С.Д. Валентея, «определяющее для развития федеративных отношений значение имеет не нормативно-правовая, а социально-экономическая компонента» [3, с. 34]. Можно добавить, что этническая, лингвистическая и религиозная составляющие также уходят на второй план при отсутствии социально-экономического потенциала у субъекта федерации либо при наличии значительных диспропорций в экономическом развитии регионов.

Опыт Бельгии показывает, что с момента образования данного государства и до Второй мировой войны ведущую роль в экономической жизни бельгийского общества играла Валлония. Данный регион

специализировался главным образом на добыче угля, производстве стали, строительстве железных дорог. Фландрисия отставала от Валлонии по многим секторам экономики и являлась дотационным регионом.

С 1960-х гг. роль Фландрисии в экономическом развитии страны претерпела существенные изменения. Во время второй промышленной революции фламандцы усилили свои позиции в развитии нефтяной промышленности, автомобилестроении, строительстве дорог, в результате чего Фландрисия сумела наиболее успешно реализовать экономическую модернизацию. Так, по мнению профессора П.И. Савицкого, «наибольшую остроту он [национальный вопрос] начал приобретать с конца 1950-х гг. в связи с тремя главными обстоятельствами – деградацией экономики Валлонии, ... ускоренной индустриализацией Фландрисии в 60-х годах, ... и наконец, в связи с опережающим ростом численности фламандцев в стране» [4, с. 57]. Подобный рост экономических показателей способствовал усилению влияния Фландрисии, в т.ч. и в политической жизни общества.

Эволюция процесса федерализации в Бельгии

В академическом сообществе за точку отсчета процесса федерализации Бельгии принято брать 1962 г. – год принятия Закона о фиксации лингвистической границы [5]. Именно этот закон перевел национальный вопрос из социальной плоскости в юридическую. С этого момента Бельгия начала мирный процесс федерализации путем *поэтапного реформирования государства*.

Особенностью процесса федерализации Бельгии явилось постепенное расширение автономии сообществ и регионов. Первый этап реформ, реализованный 24 декабря 1970 г., заключался в пересмотре Конституции. В ходе данной реформы был введен паритетный принцип формирования совета министров (равное количество министров, принадлежащих к нидерландоговорящей и франкоговорящей частям населения). Бельгия *de iure* была разделена на три культурно-языковые зоны: французскую, фламандскую и немецкоязычную. К тому же были юридически оформлены регионы Бельгии: Валлония, Фландрисия и столичный регион – Брюссель. На первом этапе реформ процесс регионализации остался лишь *политическим намерением* [6, с. 51].

Второй этап реформ характеризовался *расширением автономии регионов*, особенно в экономической и социокультурной плоскостях. Данный процесс сопровождался активным формирование региональных органов (в т.ч., арбитражного суда), определением сферы их компетенции и порядка формирования и функционирования. Данный этап реформирования охватывает период с 1970 г. по 1980 г.

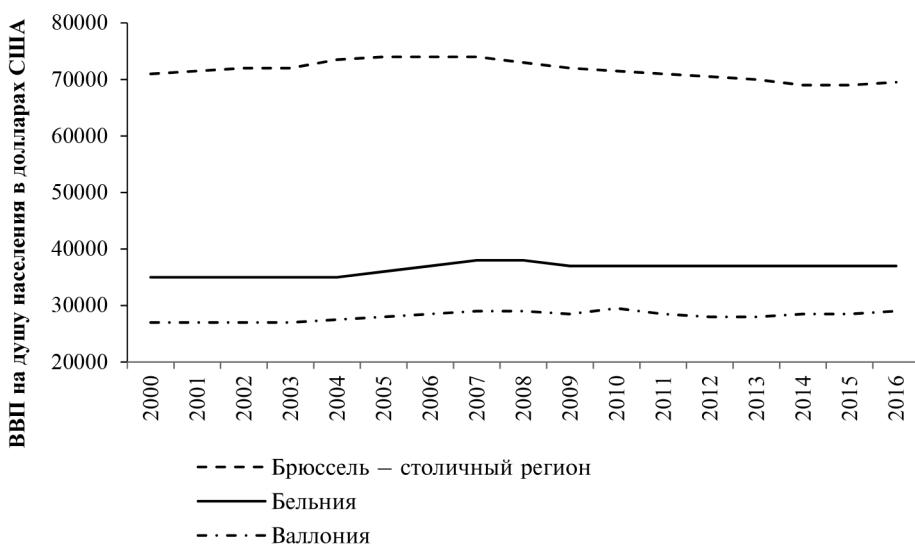
Основная цель третьего этапа реформ заключалась в *расширении компетенции регионов и национальных сообществ*. К ведению сообществ перешли вопросы образования и научных исследований, а также международное культурное сотрудничество. Компетенции регионов также расширились, к ним перешли вопросы, связанные с общественными работами и общественным транспортом. В ходе данного этапа реформ особый статус получил столичный регион – Брюссель,

в котором были сформированы специальные выборные органы, обладающие соответствующей компетенцией.

Четвертый этап характеризуется принятием нормативно-правовых актов, предусматривающих *прямые выборы в региональные парламенты*. Компетенция регионов увеличилась в таких сферах как сельское хозяйство, внешняя торговля, наука. В ходе поэтапного мирного реформирования, сопровождавшегося к тому же процессом регионализации, Бельгия *de iure* трансформировалась из унитарного государства в федерацию в 1993 г.

Центробежные и центростремительные силы: современные реалии

Для оценки перспектив развития современной бельгийской политической конъюнктуры необходимо учитывать как центробежные, так и центростремительные силы. К центробежным факторам в первую очередь относятся экономические диспропорции регионов. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития Бельгия занимает 11 место в списке стран с самыми высокими региональными диспропорциями по уровню ВВП на душу населения [7]. Так, региональный разрыв в ВВП на душу населения в долл. США на 2016 г. составляет 39 762: самый высокий показатель в Брюсселе (69 614), самый низкий – в Валлонии (29 852) (см. рис. 1).

Рис. 1. Региональные диспропорции по уровню ВВП на душу населения, 2000–2016 гг.

Источник: составлено по [8].

Ниже представлен график производительности труда в регионах Бельгии (произведенный ВВП на одного занятого в год с учетом паритета покупательной способности) на период с 2003 по 2016 г. (см. рис. 2).

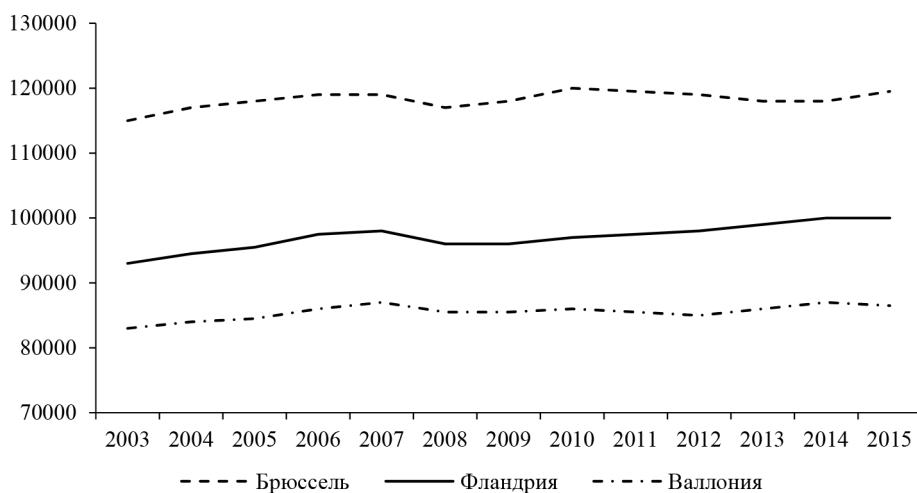

Рис. 2. График производительности труда в регионах Бельгии, 2003–2015 гг.

Источник: составлено по [8].

На период с 2003 г. по 2016 г. самый высокий уровень производительности и самый низкий уровень роста производительности наблюдался в Брюссельском столичном регионе, годовой прирост которого составлял +0,6%. По уровню роста производительности труда лидировала Фландрис, ежегодный прирост был равен +0,7%. Самый низкий уровень производительности у Валлонии, он составляет +0,3%. В пределах данного периода Фландрис незначительно сократила разрыв с Брюссельским столичным регионом.

Таблица 1 демонстрирует различия в благосостоянии между регионами по следующим критериям: занятость, безопасность, доход, образование, доступ к услугам, активность гражданского общества, а также уровень загрязнения окружающей среды [7].

Таким образом, Фландрис лидирует по следующим критериям: уровень занятости, безопасности, дохода, образования, наличие доступа к услугам, активность гражданского общества. Единственный критерий, по которому данный регион отстает от других, – это уровень загрязнения окружающей среды.

Согласно статистическим данным на 2017 г., Фландрис обеспечивает 58% национального валового внутреннего продукта (далее – ВВП) по сравнению с 23% Валлонии. Данные Евростата показывают, что, хотя показатель ВВП на душу населения во Фландрис составляет 121% от среднего по ЕС, в Валлонии он составляет 86%. Уровень безработицы во Фландрис составляет 4,3%, в Валлонии – 10,2% [9].

Преимущество фландрисцев заключается также в соотношении численности населения региона к общему числу бельгийцев. Так, население Фландриса составляет 58% от общего числа бельгийцев, тогда как число валлонов приравнивается к 32%, остальные 10% населения являются немецкоговорящей частью населения. Такое соотношение приводит к перевесу фландрисцев в Палате представителей, депутаты которой выбираются всем населением в результате прямых выборов [10, с. 14].

Таблица 1

Уровень регионального благосостояния

Критерии	Высокие показатели	Низкие показатели
Занятость:		
уровень занятости населения в возрасте от 15 до 64 лет (%), 2017 г.	67,0 ^F	56,2 ^{BR}
уровень безработицы от 15 до 64 лет (%), 2017 г.	4,4 ^F	12,5 ^{BR}
Безопасность:		
уровень преступности (на 100 000 человек), 2016 г.	1,0 ^F	2,2 ^{BR}
Доход:		
располагаемый доход на душу населения (в долл. США), 2016 г.	20 822 ^F	17 732 ^{BR}
Образование:		
рабочие, получившие среднее высшее образование (%), 2017 г.	85,0 ^F	80,0 ^{BR}
Доступ к услугам:		
домохозяйства с доступом к широкополосной связи (%), 2017 г.	86,0 ^F	82,0 ^W
Гражданское общество:		
число избирателей на последних национальных выборах (%), 2017 г.	90,8 ^F	87,6 ^W
Окружающая среда:		
уровень загрязнения атмосферного воздуха в PM 2,5 (мкг/м ³), 2015 г.	13,8 ^W	14,9 ^F

Источник: составлено по [8].

Примечание: условные обозначения: F – Фландрия, W – Валлония, BR – Брюссельский столичный регион.

Если рассматривать экономические показатели регионов в динамике, то на период с 2013 по 2016 гг. ВВП Валлонии вырос с 87 до 90,3 млрд евро, а ВВП Фландрии – с 217,2 до 228,8 млрд евро. ВВП на душу населения Валлонии на этот же временной отрезок вырос с 29 до 29,8 тыс. евро, в то время как во Фландрии он увеличился с 40,5 до 42 тыс. евро. Уровень безработицы в Валлонии за этот же временной отрезок снизился с 11,4 до 10,6%, а во Фландрии – с 5,1 до 4,9% [7]. Ежегодный трансфер из бюджета Фландрии в бюджет Валлонии составляет 4,6 млрд евро.

Еще одним фактором раскола является нарастающий иммиграционный поток. За последние десять лет Бельгия стала страной массовой иммиграции и приняла более миллиона человек при собственном населении в 10 млн. Так, для сравнения с 2000 по 2010 г. миграционный баланс Бельгии был в девять раз выше, чем в Нидерландах, в четыре раза значительнее, чем во Франции и Германии, и даже больше, чем

в США, стране, которая исторически открыта для иммигрантов. Ниже представлено сальдо миграции на период с 2013 по 2018 г. (см. рис. 3).

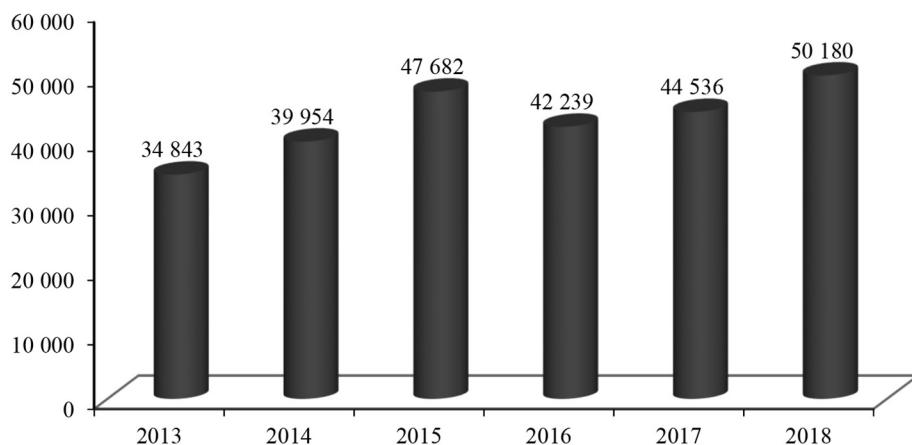

Рис. 3. Сальдо миграции, 2013–2018 гг.

Источник: составлено по [11].

Фламандские сепаратисты зачастую эксплуатируют данный аргумент. В январе 2019 г. партия «Фламандский интерес» в Бельгии предложила ввести по меньшей мере десятилетний мораторий на миграцию в рамках предварительного оглашения программы движения с учетом предстоящих на тот момент парламентских выборов [12].

Вышеперечисленные экономические показатели центробежных сил оказывают существенное влияние на распределение политических сил в стране и, тем самым, на развитие сепаратистских настроений в Бельгии.

В настоящее время в Бельгии институциональными акторами фламандского сепаратизма является ряд политических движений («Фламандское национальное движение», «Комитет языкового действия», «Форпост») и политических партий («Фламандский интерес», до 2004 г. называвшийся «Фламандским блоком», и «Новый фламандский альянс») [13].

Майские выборы 2019 г. показали, что разрыв в раскладе политических сил в нидерландоязычном и франкоязычном регионах Бельгии стал более существенным. Во Фландрии победу одержали ультраправые партии: консервативная националистическая партия – «Новый фламандский альянс», которая на майских выборах 2019 г. набрала 16,03% голосов (25 мест из 150), и ультраправая националистическая партия «Фламандский интерес», которая набрала 11,95% голосов (партия получила сразу 18 мест из 150 – т.е. в шесть раз увеличила свое представительство). Во Фландрии за эти две партии проголосовало 43% населения. В отношении Валлонии ситуация остается неизменной, в данном регионе все также сильны позиции левых – социалистов.

Выборы в Европейский парламент в Бельгии выиграли фламандские националисты и ультраправые. Националистический «Новый фламанд-

ский альянс» (*N-VA*) получил 13,51% голосов избирателей. Второе место у крайне правой партии «Фламандский интерес» (*Vlaams Belang*). У нее 11,53%. У обеих партий сепаратистская идеология [14].

Таким образом, согласно последним выборам именно «фланговые» партии усилили свои позиции. Подобное развитие событий свидетельствует о том, что в Бельгии, как и в большей части европейских государств, наблюдается сдвиг вправо. К тому же партии сепаратистского толка, поддерживающие антииммигантскую политику, занимают лидерские позиции.

Парадокс данного феномена состоит в том, что результаты выборов зачастую контрастируют с данными опроса населения о поддержке сепаратизма во Фландре. Согласно исследованиям, проведенным Институтом социологических исследований при Католическом университете Лувена (*ISPO*) в 2015 г., только 6,4% бельгийцев предпочитают прямой сепаратизм, тогда как 36,4% предпочитают расширение полномочий Фландре и Валлонии [15, с. 14]. Наблюдается небольшое увеличение данного процента во время институциональных кризисов, однако за последние годы максимальное значение не превышало 12%. Представители фламандского народного движения считают, что многие из опрошенных граждан под расширением полномочий регионов понимают отделение Фландре в ходе *поэтапного реформирования государственного устройства* [16]. Таким образом, относительное большинство фламандцев выступает за расширение компетенций в регионах, отвергая при этом прямой сепаратизм [8]. Отечественные ученые объясняют возникшую ситуацию pragmatically. Так, по мнению П.В. Осколкова, «сепарация лишь узаконила бы сложившийся на деле *status quo*, но повлекла бы за собой немало административных проблем» [17, с. 176].

Влияние экономического фактора на развитие сепаратизма можно проиллюстрировать также на примере других европейских стран. Так, кампания по проведению референдума в Шотландии была основана на аргументе, согласно которому независимость является ключом к полному раскрытию потенциала Шотландии и преодолению ограничений нынешней конституционной структуры [18, с. 750]. К тому же главным аргументом каталонских сепаратистов является наличие диспропорции между экономической мощью Каталонии и ее «нулевым политическим влиянием» [19, с. 120]. В Бельгии подобным регионом-донором является Фландре, что следует из вышеназванных показателей. Наличие бюджетного дисбаланса в данных европейских регионах приводит к необходимости использования механизмов бюджетного выравнивания, которые позволяют компенсировать различия, возникающие в ходе бюджетной децентрализации [20, с. 117]. В связи с этим отделение рассматривается в качестве эффективного механизма, позволяющего активизировать высокие темпы роста экономики.

К тому же фламандские сепаратисты часто аргументируют свою позицию наличием конституционного закрепления права на сепарацию. Бельгия является государством, *de iure* допускающим сепарацию при условии согласия «внешнего» территориального образования. Согласно ст. 7 Конституции Бельгии, «границы государства, провинций и коммун могут быть изменены или уточнены только в силу закона» [21, с. 214].

Конституция Бельгии (помимо самого документа) включает в себя ряд иных законов, принимаемых квалифицированным большинством в каждой из двух палат бельгийского парламента при условии присутствия большинства членов каждой лингвистической группы (франкоязычной и нидерландоязычной) и одобрения большинством голосов в каждой из этих групп в каждой палате.

В случае одобрения выхода региона большей частью населения Бельгии, законодательное оформление данной процедуры потребует значительных усилий [22, с. 11].

Среди центростремительных сил можно выделить институт монархии, который выступает арбитром в случае правительственные кризисов, а также членство Бельгии в Европейском Союзе, т.к. политическая элита Европейского Союза неоднократно озвучивала свое негативное отношение к сепаратистским тенденциям в различных европейских регионах.

Возможные сценарии развития

Сложно спрогнозировать, какие силы окажут доминирующее влияние на развитие политической ситуации в Бельгии в долгосрочной перспективе. Можно предположить развитие ряда сценариев.

Итак, первая возможность – *сохранение целостности государства*, отсутствие существенных изменений. В настоящее время данный сценарий представляется наиболее вероятным, ведь конфликт продолжается на протяжении многих лет, а институты бельгийского федерализма доказывают свою состоятельность в сдерживании сторон в их стремлениях к сепрессии. Согласно опросу, более 72% бельгийцев соглашаются, что граждане Бельгии имеют много общего. Более того, существует наднациональная идентичность: около 70% бельгийцев считают себя гражданами Европейского Союза. К тому же именно в Брюсселе расположена значительная часть властных институтов Европейского союза.

Второй вариант – *раскол Бельгии*, при этом независимость как Фландрии, так и Валлонии остается спорным вопросом. Новое суверенное государство, каким стала бы Фландрия, вряд ли будет признано другими членами-участниками Европейского Союза в качестве равного партнера. Валлония, будучи регионом с низким уровнем экономического потенциала, вероятно, войдет в состав Франции.

Третий вариант – *создание конфедерации*. Так, по мнению Де Уевера, «левое большинство в Валлонии станет настолько сытым по горло тем, что им правит правое фламандское большинство, что в конечном итоге потребует реформирования государства в конфедерацию» [23, с. 213]. При таком развитии событий фламандцы и валлоны обрели бы практически полную самостоятельность, но при этом передали бы часть своих полномочий совместным органам власти для координации действий по некоторым вопросам, таким как внешняя политика и оборона.

* * *

На основе вышеизложенного автор приходит к выводу, что бельгийский опыт является полезным как для теории и практики федерализма, так и для оценки вызовов и угроз процесса федерализации в многонациональных государствах.

циональных и многоконфессиональных государствах. Данный анализ показывает не всегда уловимую взаимозависимость экономических, политических и правовых факторов, которые зачастую взаимоуси- ляют и стимулируют друг друга. Анализ процесса становления федерализма на примере Бельгии выявляет ряд рисков.

1. Проблема экономических диспропорций регионов – валлонский регион является «зависимым» от фламандских финансовых трансферов. Такое положение требует своевременного применения механизмов бюджетного выравнивания регионов, внедрения экономических зон для привлечения инвестиционных потоков на территории данных зон с учетом региональных особенностей.

2. Языковая проблема – разделение государства на четыре языковые зоны – приводит к фрагментации гражданского общества и разделу бельгийских институций, что требует принятия единого официального государственного языка на всей территории Бельгии с возможностью сохранения национальных языков меньшинств.

3. Раскол национальных партий по лингвистическому принципу, что ведет к невозможности формирования правительственной коалиции на федеральном уровне. Основные партии Валлонии являются партиями левого толка и склоняются к сохранению федеративного строя, тогда как партии Фландрини являются правыми и имеют сепаратистские наклонности либо стремятся к конфедеративным отношениям.

4. Сложная институциональная структура, которая приводит к излишней бюрократизации, дублированию полномочий и неэффективности принимаемых координационных мер. Именно поэтому фламандские националисты стремятся к упрощению политической системы, а в перспективе к отмене федерального уровня управления.

Автор считает, что сложившаяся на протяжении многих лет федеративная модель Бельгии не отвечает современным вызовам. *Существующий строй способствует усилению противоречий между валлонами и фламандцами*, что в перспективе может привести к нарушению территориальной целостности государства. Оптимальным выходом из системного кризиса представляется трансформация данной модели федерализма, основанной на конкуренции регионов, в федерализм, нацеленный на стимулирование регионов, лингвистических общин и институтов федеральных и местных органов власти к сотрудничеству. Именно в пространстве кооперации возможна реализация масштабных проектов социально-экономической модернизации государства.

Список литературы

1. Погорельская С.В. Бельгия и Европа. Бельгийский федерализм – лаборатория европейского единства // Актуальные проблемы Европы. 2009. № 3. С. 175–193.
2. Лагасс Н. Бельгийский опыт: пример федерализма путем разъединения // Казанский федералист. 2004. № 1 (9). С. 117–137.
3. Валентей С.Д. России нужна модель асимметричной Федерации // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2012. № 5. С. 33–41.

4. Савицкий П.И. Становление Бельгийской федерации // Правоведение. 1995. № 4–5. С. 56–66.
5. Loi du 8 novembre 1962 fixant la frontière linguistique. URL: <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/belgiqueet-loi1962.htm> (дата обращения: 11.11.2019)
6. Децентрализация управления в зарубежных государствах: монография / Андреева Г.Н. и др.; под ред. А.Н. Пилипенко. М.: Эксмо, 2009.
7. Organisation for Economic Cooperation and Development. Regional Statistics // OECD.Stat. URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 17.11.2019).
8. Regions and Cities at a Glance 2018 – BELGIUM // OECD. URL: <https://www.oecd.org/cfe/BELGIUM-Regions-and-Cities-2018.pdf> (дата обращения: 14.11.2019).
9. How economics explains Belgium's rifts. URL: <https://www.brusselstimes.com/opinion/45009/how-economics-explains-belgium-s-rifts> (дата обращения: 14.11.2019).
10. Фарукшин М.Х. Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость // ПОЛИТЭКС. 2008. № 2. С. 5–26.
11. Migration Balance (Immigrants Minus Emigrants) in Belgium from 2010 to 2018 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/516299/migration-balance-belgium> (дата обращения: 17.11.2019).
12. В Бельгии предложили запретить миграцию на десять лет // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190105/1549053052.html> (дата обращения: 17.11.2019).
13. Осколков П.В. Фантом европейского сепаратизма // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/fantom-evropeyskogo-separatizma> (дата обращения: 18.11.2019).
14. Фламандские националисты и сепаратисты победили в Бельгии на выборах в Европарламент и в парламент страны // SWI. URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/фламандские-националисты-и-сепаратисты-победили-в-бельгии-на-выборах-в-европарламент-и-в-парламент-страницы/44990714> (дата обращения: 18.11.2019).
15. Swyngedouw M., Abts K., Baute S. et al. Het communautaire in de verkiezingen van 25 mei 2014 // Centrum voor Sociologisch Onderzoek (CeSO), Instituut voor Sociaal en Politiek Opinieonderzoek (ISPO). CeSO/ISPO/2015-1. P. 1–27.
16. Winckelmanns W. Vlaming houdt weer van België. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20150427_01652606 (дата обращения: 29.11.2019).
17. Осколков П.В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских право-популистских партий // Вестник МГИМО. 2017. № 5 (56). С. 169–182.
18. Кағиманян А.С. Экономические факторы периферийного сепаратизма в Европе // Федерализм. 2014. № 1 (73). С. 745–752.
19. Хенкин С.М. Каталонский конфликт вчера и сегодня // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 117–137.
20. Зарипова А.Р. Экономические предпосылки каталонского сепаратизма // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. Т. 14. № 1 (185). С. 116–121.
21. Кузнецов Д.В. Конституции стран мира. Хрестоматия. В 7 ч. Ч. 2. Благовещенск, 2014.
22. Лексин И.В. Сепатсия территориальных образований: правовые риски и механизмы защиты // Государство и право. РАН. 2014. № 2. С. 5–14.
23. De Wever B. Slotessay. Van geblokkeerde mobiliteit, naar geblokkeerde democratie // F. Seberechts, Onvoltooid Vlaanderen. Van taalstrijd tot natievorming. Antwerpen, Vrijdag. 2017. P. 207–225.

BELGIAN FEDERALISM: THREATS TO INTEGRITY

In the era of globalization, economically prosperous democracies are increasingly confronted with the problem of maintaining territorial integrity. The desire to gain independence, isolation, self-identification is a defensive reaction to the rapid integration processes that lead to increased migration flows, erosion of national identity. One of the effective ways to counter such destructive processes in multi-ethnic and multi-religious states is the formation of a federal form of government. However, the very nature of federalism often contains a number of threats that lead to the destruction of territorial integrity. This article analyzes the formation and development of the federalization process on the example of Belgium in order to identify threats and risks of the development of federalism. The main centrifugal and centripetal forces stimulating the development of contradictions in Belgian society are given. The author concludes that at present, the key factor in the emergence of the crisis of federalism is the presence of significant economic imbalances between the regions. The author proposes to introduce special economic zones to attract investment flows to the regions taking into account their characteristics, as well as to reform the existing model of federalism based on regional competition into federalism aimed at encouraging cooperation between regions, linguistic communities and institutions of federal and local authorities.

Keywords: Belgium, economic imbalances, ethnolinguistic conflict, federalism, separatism

JEL: R58

Дата поступления – 27.11.2019 г.

ДУДАЕВА Марина Владимировна

специалист отдела научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии);

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / ул. Б. Черемушкинская, д. 34, г. Москва, 117218.

Аспирант кафедры «Сравнительная политология»;

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» / проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, 119454.

e-mail: dudaevamarina@yandex.ru

DUDAEVA Marina V.

Specialist of the Scientific Department of the European Commission under Democracy through Law (Venice Commission);

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation / 34, B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218.

Post-graduate student of the Department of Comparative Political Science; Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) / 76, Vernadsky Av., Moscow, 119454.

e-mail: dudaevamarina@yandex.ru

Для цитирования:

Дудаева М. Бельгийский федерализм: угрозы целостности // Федерализм. 2020. № 1. С. 186–197.